

В.В. Тихонов

## Неврученная награда: Сталинская премия в области исторических наук за 1952 г.

Статья, написанная на основе комплекса документов Российского государственного архива новейшей истории, посвящена описанию и анализу внутреннего процесса присуждения Сталинской премии за 1952 г. Рассматриваются механизмы принятия решений, идеологическая подоплека отбора книг вероятных лауреатов. Невручение Сталинской премии оценивается как элемент общего процесса постепенной десталинизации.

*Ключевые слова:* советская историческая наука, Сталинская премия, идеология, десталинизация.

Сталинская премия, учрежденная в 1939 г., до самой смерти Сталина считалась главной наградой Советского Союза в области науки и искусства. Ее получение являлось символом успеха и признания властью. Непосредственная связь с «вождем» ставила эту премию в особое положение, придавала ей своеобразный статус награды от самого Сталина, который лично принимал участие в отборе конкурсных заявок. Механизм присуждения был следующим. Выдвинутые работы рассматривал Комитет по Сталинским премиям, куда входили крупные деятели партии, искусств и науки. Комитет мог выделить секции в соответствии с научной специализацией и жанровыми особенностями<sup>1</sup>. Решение Комитета направлялось в Отдел агитации и пропаганды, где высказывались дополнительные соображения. Затем списки с краткими аннотациями рассылались членам Политбюро и Совета министров, которые высказывали свои соображения.

Присуждение премии носило ярко выраженный политический характер. Книги, получившие премию, как правило, образовывали достаточно отчетливую идеологическую линию. Об этом

свидетельствует и К.М. Симонов: «Анализируя книги, которые он [Сталин. – В. Т.] в разные годы поддержал, вижу существовавшую у него концепцию современного звучания произведения, концепцию, в конечном счете связанную с ответом на вопрос: “Нужна ли эта книга нам сейчас? Да или нет?” И всякий раз – и за произведениями, получавшими премии, и за идеями о создании произведений о чем-то или о ком-то, произведений, которые впоследствии были обречены, как правило, на премию, стояли сугубо современные политические задачи»<sup>2</sup>. Приведенная цитата касается художественной литературы, но и к научно-историческим трудам ее можно отнести в полной мере.

Поскольку в присуждении непосредственное участие принимал сам Сталин, то исследования, удостоившиеся этой чести, сразу же приобретали статус идеологического ориентира для других ученых и деятелей культуры. Поэтому к претендентам относились внимательно, проверяя их на соответствие актуальным идеологическим веяниям. Впрочем, случались и скандалы, связанные с обнаружением идеологических ошибок в трудах лауреатов. При выборе лауреатов учитывалась не только идеологическая верность выводов, но и научная состоятельность и фундаментальность трудов. Откровенно пропагандистские и недостаточно научно отработанные издания отбраковывались.

Сталинская премия являлась важнейшим инструментом утверждения идеологических ориентиров. Между тем изучение ее истории, механизмов вручения и места в истории советской культуры и науки только начинается<sup>3</sup>.

В Российском государственном архиве новейшей истории в фондах Политбюро КПСС отложился комплекс материалов, связанных со Сталинской премией. Они позволяют увидеть внутреннюю кухню работы Комитета по Сталинским премиям и роль различных властных инстанций и конкретных людей. Кроме того, в фонде Отдела науки и культуры ЦК КПСС можно найти документы, освещающие процесс присуждения премии<sup>4</sup>.

Особый интерес представляет наградная кампания 1953 г., когда решалось, кому вручать премии за 1952 г. Ее уникальность заключается в том, что она проходила уже после смерти диктатора. Тем самым он уже не мог выступать в роли итогового арбитра. Более того, почти сразу после его смерти в стране начался процесс неофициальной десталинизации, в том числе и в области исторической науки<sup>5</sup>. Конечно же, это не отразилось на присуждении премии. Стоит заранее указать и на то, что впервые Сталинская премия приобрела заметную международную направленность, стремясь превратиться в главную награду мирового коммунисти-

чешского лагеря. Теперь к конкурсу принимались работы иностранных ученых. Главное, чтобы они были опубликованы в СССР и на русском языке.

После работы секции по историческим наукам было предложено ряд кандидатов в лауреаты. Премию первой степени было предложено вручить известному чешскому историку и политику, члену-корреспонденту АН СССР Зденеку Неedly за книгу «История чешского народа» (М., 1951. Т. I: Чехия в древнейшие времена). Как всегда в таких случаях, акцентировалась политическая актуальность издания. Так, писалось в заключении Комитета, автору удалось показать самостоятельность развития местной культуры и ее независимость от римского влияния. Это было важно в связи с продолжающейся борьбой с идеологией итальянских фашистов, где идея мировой миссии Римской империи играла важную роль. Еще большее значение имело то, что в книге доказывалось, что славяне появились на территории Чехии во II тысячелетии до н. э. «Тем самым опровергаются немецкие националистические теории о позднем приходе славян на эти земли»<sup>6</sup>. Но не только победенных фашистов и нацистов разоблачала книга известного чешского историка: «Книга З.Р. Неedly вносит большой вклад в дело разоблачения фальсификаций англо-американской буржуазной историографии о якобы исконной отсталости и неспособности славянских народов создавать и развивать свою собственную культуру»<sup>7</sup>. Таким образом перекидывался мостик между фашистками и нацистскими теориями и англо-американскими историками.

Положительные отзывы на книгу представили известные советские историки Б.А. Рыбаков и П.Н. Третьяков. Из 37 членов комитета 31 проголосовал за присуждение Сталинской премии I степени.

На премию второй степени Комитет выдвинул книгу «Внешняя политика русского централизованного государства. Вторая половина XV в.» (М., 1952) покойного историка К.В. Базилевича (умер в 1950 г.). Монография объявлялась первым марксистским исследованием внешней политики России второй половины XV в. Одновременно она хорошо вписывалась в советский великодержавный нарратив, обосновывающий с точки зрения исторической необходимости права российской державы на вошедшие в нее территории. К.В. Базилевич обозначил три основных вектора внешнеполитической программы Русского централизованного государства: борьба с татарскими ханствами, борьба с Литвой и Польшей за «воссоединение всех земель Руси (русских, украинских и белорусских)» и борьба за приобретение выходов к Балтийскому морю. Иван III был представлен как борец с остатками феодальной

раздробленности, подготовивший условия для активной внешней политики следующего столетия.

Положительные отзывы были предоставлены лауреатами Сталинской премии прошлых лет И.И. Смирновым и Л.А. Никифоровым. Голосование в Комитете также было положительным: за вторую степень проголосовал 31 член комитета из 37<sup>8</sup>.

Кроме того, на премию второй степени была выдвинута книга китайского историка Лю Да-Няня «История американской агрессии в Китае» (русское издание вышло в 1951 г.). В сравнении с предыдущими претендентами на премию книга была небольшой по объему – 154 страниц. Внимание к этому изданию диктовалось сразу двумя факторами. Во-первых, особыми отношениями с КНР как главным союзником в борьбе с капиталистическими странами. Во-вторых, что вытекало из первого, тема разоблачения империалистической американской политики была сверхактуальной. В резолюции комитета приветствовалось то, что автор «последовательно... разоблачает хищническую политику правящих кругов США в отношении Китая...»<sup>9</sup>. Несмотря на идеологическую важность издания, за него свои голоса отдало несколько меньше членов Комитета, чем за предыдущие, – всего 28 из 37. Видимо, сомнения вызвали небольшой объем книги и ее публицистичность.

Наконец, на премию третьей степени была выдвинута книга главы коммунистической партии Таджикистана Б.Г. Гафурова «История таджикского народа в кратком изложении» (Т. I. М., 1952). По статусу автора и политическому значению книга вполне могла претендовать и на первую премию. Но его стремление выпячивать иранское происхождение таджиков и противопоставлять тем самым их среднеазиатским тюркским народам из других советских среднеазиатских республик, о чем неоднократно докладывалось в ЦК<sup>10</sup>, не позволяло дать первую премию, объявив тем самым книгу эталоном. Книга представлялась как фундаментальный обобщающий труд, построенный на марксистско-ленинской методологии. Подчеркивалось, что в издании много внимания уделяется героической борьбе народов Средней Азии с захватчиками и местными угнетателями. В то же время автор вскрывает «глубокие исторические корни дружественных связей народов Средней Азии с великим русским народом и выясняет прогрессивную роль присоединения Средней Азии к России...»<sup>11</sup>. Это являлось вкладом Б.Г. Гафурова в наполнение конкретными историческими фактами идеологемы «дружбы народов», утвердившейся в СССР в послевоенное время<sup>12</sup>.

Но, пожалуй, самым важным было то, что Гафуров обосновывал самобытность таджикской культуры, доказывая, что таджики – не часть иранцев, а самостоятельный этнос. Тем самым отвергались

претензии сторонников «паниранизма» (реальные и мнимые) на включение таджиков в паниранский проект<sup>13</sup>. За присуждение премии проголосовало 34 члена комитета.

Также на премию третьей степени претендовала книга еще одного китайского историка – Ху Шэна – «Агрессия империалистических держав в Китае» (М., 1951). Подчеркивалось, что в монографии американский империализм представлен как самый «опасный враг китайского народа». В книге акцентировалось значение Октябрьской революции, «показавшей китайскому народу путь борьбы с империалистами и давшей ему веру в возможность победы»<sup>14</sup>. За присуждение премии свои голоса отдало 30 членов Комитета.

Итак, номинанты были названы. Но у контролирующих органов некоторые из них вызвали сомнения. Особое внимание уделялось иностранным претендентам, поскольку присуждение им Сталинской премии являлось международным делом. Несмотря на большой авторитет в СССР Неедлы, в его книге Отделом науки и культуры ЦК КПСС были обнаружены «серьезные» ошибки: «Книга Неедлы имеет некоторые существенные недостатки. В книге не показан четко процесс складывания классового общества у чешских племен, в некоторых местах книги говорится о приходе в Чехию “слоя господ” извне, об образовании особого “слоя воинов” и т. д. Автор преувеличивает влияние античной римской культуры на экономическое и культурное развитие славянских племен, слабо показывает роль западных славян в ликвидации рабовладельческой Римской империи. В книге недостаточно использованы труды классиков марксизма-ленинизма»<sup>15</sup>. Сразу бросается в глаза отсутствие конкретики в критике. Более того, если раньше утверждалось, что Неедлы сумел показать независимость славянской культуры от римской, то теперь утверждалось прямо противоположное. Очевидно, что книгу стремились не награждать любой ценой. Возможно, негативным фоном в вопросе о присуждении премии стал прошедший в Чехословакии в 1952 г. «процесс Рудольфа Сланского», в ходе которого ряд видных коммунистов страны обвинили в связи с лидером Югославии И. Тито и создании «троцкистско-сионистско-титовского заговора». Неедлы по процессу не проходил, но был хорошо знаком со Сланским. Кроме того, Неедлы могли припомнить его положительные отзывы о первом президенте Чехословацкой республики Т. Масарике<sup>16</sup>.

В связи с обнаруженными ошибками комитет предложил вручить Неедлы премию второй степени, но Отдел науки и культуры посчитал целесообразным вообще отложить вопрос о присуждении. Также предлагалось отложить награждение двух китайских

историков. На записке стоит подпись главы Отдела А.М. Румянцева, документ датирован 13 июлем 1953 г. Еще одним аргументом, который был озвучен Г.М. Маленкову и Н.С. Хрущеву, стало указание на то, что в КНР и Чехословакии есть свои премии<sup>17</sup>.

Одновременно шли переговоры с китайскими представителями, поскольку вопрос о вручении/невручении становился болезненным с точки зрения внешней политики. М.А. Сулову было доложено, что китайское посольство, по поручению Отдела пропаганды КПК и МИДа КНР информирует о согласии на присуждение премии Ху Шэну, но предлагает отсрочить вопрос с книгой Лю Да-Няня до следующего года, поскольку в ней обнаружены ошибки и искажение фактов<sup>18</sup>.

В итоге Отдел науки и культуры предложил компромиссный вариант, по которому китайским авторам награда не присуждалась «до более широкого ознакомления с работой советской общественности», а Неядлы получал премию второй степени<sup>19</sup>.

Но премию так никто и не получил, несмотря на то, что 30 июня 1953 г. на заседании Президиума Совета министров СССР было решено провести присуждение Сталинских премий за 1952 г. Но решение по каким-то причинам не было реализовано. К тому времени уже был подготовлен проект по внедрению нового формата премии. В нем предлагалось ужесточить требования к кандидатам, исключить конфликт интересов при выборе лауреатов, снизить суммы вознаграждений и сократить само количество премий. Решение должен выносить единый комитет (ранее их было два – по науке и изобретательству, а также по искусству). Присуждать премию предлагалось не ежегодно, а раз в три года, тем самым предполагалось награждать научные и художественные труды только после широкого и всестороннего обсуждения<sup>20</sup>. Возможно, это предложение стало поводом отсрочить очередное награждение на более позднее время. Идею поддержали Н.С. Хрущев, М.А. Сулов и П.Н. Поспелов, изложившие в записке Г.М. Маленкову все эти предложения.

В 1955 г. Президиум ЦК поручил рассмотреть вопрос об учреждении премии имени Владимира Ильича Ленина (Ленинской премии). В этом же году статья о Сталинской премии исчезла из Большой советской энциклопедии<sup>21</sup>. А после XX съезда, на котором произошло развенчание культа личности, судьба Сталинских премий была окончательно решена. Награжденные ею обязаны были обменять знаки и дипломы лауреатов Сталинской премии на аналогичные знаки и дипломы Государственной премии<sup>22</sup>.

Невручение Сталинской премии за 1952 г. вполне вписывалось в общий процесс десталинизации, начавшийся сразу после смерти

диктатора. Описанный эпизод стал своеобразным символическим завершением сталинской эпохи в советской исторической науке, когда вождь, в том числе и при помощи премий его же имени, определял основные направления исторической политики. Это не значит, что так называемый сталинский исторический нарратив исчез. Наоборот, многие концепции лауреатов Сталинской премии прочно вошли в советскую историческую науку и массовые исторические представления.

---

#### Примечания

- <sup>1</sup> Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 3. Оп. 53а. Ед. хр. 1. Л. 7.
- <sup>2</sup> *Симонов К.М.* Глазами человека моего поколения: Размышления о И.В. Сталине. М.: Книга, 1990. С. 179–180.
- <sup>3</sup> Сталинские премии: две стороны одной медали: Сборник документов и художественно-публицистических материалов. Новосибирск, 2007; *Двоскина Е.* Восьмая симфония Шостаковича и Сталинская премия // Музыкальная академия. 2008. № 2. С. 88–94; *Тихонов В.В.* Сталинская премия как инструмент конструирования общей истории народов СССР // Исторический журнал: научные исследования. 2016. № 2. С. 177–185; *Он же.* Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука. М.: СПб.: Нестор-история, 2016. Гл. 11; *Фельдман Д.М., Бит-Юнан Ю.Г.* Сталинские премии Василия Гроссмана: история с библиографией // Вопросы литературы. 2013. № 4. С. 186–223; и др.
- <sup>4</sup> Отдел науки ЦК КПСС. 1953–1966: Справочник: (Аннотированные описи). М.: РОССПЭН, 2006. С. 15.
- <sup>5</sup> На это указывает ряд исследований: *Рыжковский В.В.* В поисках англо-саксонского феодализма: А.Я. Гуревич и московские медиевисты от позднего сталинизма до ранней «оттепели» // Фундаментальная наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия. М.: Архив РАН, 2013. С. 435–440; *Юрганов А.Л.* Первый шаг в десталинизации исторической науки // Историографические чтения памяти профессора Виктора Александровича Муравьева: Сб. ст. Т. 1. М.: РГГУ, 2013. С. 295–306; *Тихонов В.В.* Первые после Сталина: историки и выборы в Академию наук СССР в 1953 г. // Вестник Пермского ун-та. Серия «История». 2016. № 2. С. 108–113.
- <sup>6</sup> РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Ед. хр. 404. Л. 52.
- <sup>7</sup> Там же.
- <sup>8</sup> Там же. Л. 53.
- <sup>9</sup> Там же. Л. 55.
- <sup>10</sup> Докладная записка Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) секретарю ЦК ВКП(б) М.А. Сулову о спорных вопросах в освещении истории народов Средней Азии // Советская национальная политика: идеология и практики: 1945–1953. М.: РОССПЭН, 2013. С. 199.

- <sup>11</sup> РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Ед. хр. 404. Л. 56.
- <sup>12</sup> См.: *Tillett L.* The Great Friendship: Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities. Chapel-Hill, 1969; *Бранденбергер Д.Л.* Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). СПб.: ДНК, 2009. Гл. 2–3; и др.
- <sup>13</sup> О борьбе с паниранизмом при помощи исторической науки см.: *Yilmaz H.* National Identities in Soviet Historiography: The Rise of Nations under Stalin. L.; N.Y.: Routledge, 2015. Ch. 5.
- <sup>14</sup> РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Ед. хр. 404. Л. 57.
- <sup>15</sup> Там же. Л. 85.
- <sup>16</sup> Советский фактор в Восточной Европе: 1944–1953 гг.: Документы. В 2 т. Т. 2: 1949–1953 гг. / Отв. ред. Т.В. Волокитина. М.: РОССПЭН, 2002. С. 167.
- <sup>17</sup> Там же. Л. 101.
- <sup>18</sup> Там же. Ед. хр. 406. Л. 5–6.
- <sup>19</sup> Там же. Ед. хр. 404. Л. 8.
- <sup>20</sup> Как отменяли Сталинские премии: Документы ЦК КПСС и Совета министров СССР, 1953–1967 гг. / Публ. В.И. Ивкина // Исторический архив. 2013. № 6. С. 8–9.
- <sup>21</sup> Там же. С. 5.
- <sup>22</sup> Там же. С. 26–29.